

Санаторий на Воробьева

Рассказ

1.

— Откройте, шакалы! — злобствует среди ночи. Атакует крайний подъезд задом, даже не дергает дверь на пробу, а сразу остервенело лягает каблуками. Общественная дверь сварена экономно из остатков листовой жести и копит вмятины. Последние он, жилец-нежилец, оставил полгода назад, с такими размашистыми паузами навевается в отчую пятиэтажку.

— Леня, то ж не твой подъезд, — корректирует в форточку с первого этажа старик Жмых, экс-майор, начальник секретной части.

— Рекламная пауза! — объявляет Ленька.

Скрип снега, сосулечный хруст. Расплющил полиэтиленовую тару, шум массируемый, как будто устало дерется компания пьяных. Когда собирали на жестяную дверь, он в складчине не участвовал, и потому не владеет ключом. Пинки адресуются следующей двери. Дом на восемь парадных бесконечен, его седьмая. От отчаяния футболит водосточные трубы, обрушивая нутряной лед, потом, чтоб успокоить нервы, будку-наливайку.

— Мнацакановна, если не откроешь, — икает, — я обижусь и вечером не приглашу тебя в капе-е-ллу!.. А я желаю "Хиласи", коньяк для миллионеров... Сма-атри, Мнацакановна, и на старуху бывает порнуха!

— Талант, открой "Десну"! — командует Мнацакановна. Талант — ее муж.

Когда Ленька выдыхается, Жмых через форточку майнает на парашютном стропе ключ, похожий на крепостной. Ленька роняет ключ, обильно мочится и объявляет:

— А сегодня я вас, подлюг, взорву!

Жмыху жалко ключа. А вдруг Ленька затопчет и опять забурится к дворничихе Людке? У Жмыха самого случился лет десять назад с ней гаражный блуд. Людка украла заначку, спрятанную под крышей гаража. "Я из гаражной ямы видел, как она становилась на цыпочки!" — жаловался Жмых однополчанам. А Людка даже куражилась, преувеличивая размеры "помытой" заначки. Взяла, продала корову на цыганском поселке Большевик и купила колье. Чтob завидовали.

Сочувствие пострадавшему было умеренным, потому что пенсионеры считали Жмыха хитрым. Экс-майор прописался у дочки под Вязьмой, оформил гражданство и получал российскую военную пенсию, которая, по слухам, регулярно повышается. Хотя Жмых и завязан на России, но не разделяет политических симпатий большинства, считает, что надо присоединиться к Китаю, он там служил.

Жмых отпирает парадное изнутри, выходит, опираясь на зонтик, и высвечивает упавший ключ с помощью большого китайского фонаря, который рассеивает в ночь матовый обманный свет, но не фокусирует луч. Ленька ему мешает.

Потом в языке света мелькают в последний раз Ленькины джинсы, треснувшие не по сезону на коленях, и дальше тихо.

— Вот мудака! — в кооперативном доме напротив зевают с воем.

А в военведовском Леньку воспринимают хоть и горем, но личным, родным. Он офицер во втором поколении, дослужился, кажется, до подполковника. В седьмой парадной помер его батюшка, матерый стройбатовец. Получается, что Ленька единственный из всех жильцов имеет отношение к вооруженным силам, преимственность вселяет ветеранам уважение и зыбкую надежду. Толком так никто и не знает, служит Ленька еще или выгнали, стройбаты вроде расформировали, но хотели бы, чтоб служил.

Во времена дачного ажиотажа Ленькины бойцы варганили из бросовой ольхи сборно-щитовые домики. Производство дислоцировалось не на лесистом севере, а на бесхозном полигоне под Днепропетровском. На вырученные деньги Ленька купил квартиру в Киеве с видом на Лавру, а в пустующий отчий дом навевается по делам. Или когда пригоняет вагон с лесом, или когда ссорится с женой.

Снова молотит в дверь, но теперь изнутри.

— Товарищ штурмбанфюрер, мы так не договаривались. А мешок? Отпирай!

— Какой еще мешок? Может, ты в Мирном потерял?

Кочуя по ракетным гарнизонам, Жмых обитал в городках с одним и тем же выразительно фальшивым названием Мирный. "Помню, в Мирном боец ложку проглотил..." — вспоминал, и неясно было, то ли этот Мирный в Даурии, то ли тезка-городок на Зоопарковой при 28-й дивизии. Язык Черемушек, куда неравномерно, но обещающе вклинились дома стройбатовской постройки, Жмых тоже традиционно обзывал Мирным, поправлять было некому, жену схоронил.

— Утром найдешь, — Жмых зеваает пустым ртом.
— Ни хера себе утром! У меня там полтонны баксов. Играйте общую зарю!

2.

Людка насаживает метлу ударом о пол своей площадки на пятом этаже. Четыре часа утра. Не ленится вставать, в зыбких потемках перед рассветом все мусорные баки ее. И гвоздики после офицерских похорон. Гвоздики она собирает, прыскает на них изо рта, приободряет в банке с анальгином и демпингует на углу у кафе "Сели-Съели". Или посылает торговать Илонку, дочь. Под боком бюро ритуальных услуг "Перспектива", где и куплены гвоздики, — получается, рыночный оборот замкнулся на Людке. Вспоминает, что забыла надеть трусы, возвращается в однокомнатную берлогу, чиркает спичкой. То ли счетчик ей опечатали за долги, то ли просто таится, не включает свет, чтоб отвадить кредиторов. Потемочное существование удобно, к ней постоянно кто-то ломится с денежными претензиями, не один Жмых пострадал. Людка недолго торговала на тротуаре мелочевкой: гнутыми гвоздями, шнурками, гуталином. Потом реализовывала вермишель "Мивина", просыпавшуюся из прохудившихся кулечков, выручку, конечно, зажилила. Пострадавший коробейник вежливо справлялся у соседей-стариков, но те лежали и толком не знали, жива ли еще Людка. Трусы натягивает на выпуклый зад прямо на площадке, корячится. Открывается дверь, сосед-гора в тельняшке некстати надумал перекурить.

— Я думала, ты в рейсе, — удивляется Людка, давая натяг необъятным трусам и центруя вату.

Светка, жена скитальца морей, на всякий случай скрывает отъезды-приезды плавающего мужа, чтобы не обокрали. Сосед в отпуске, живет в мучительном режиме — два дня пьет, неделю лечится "кока-колой". С метлой Людка похожа на Бабу Ягу, очки-линзы ее не облагораживают. Для Светкиного мужа Людка персонаж из алкогольных кошмаров, что-то вроде близоруких чертиков.

— Дай мяса, у меня морковка, борщ зварю, — Людка закуривает на дармовщинку и вспоминает, что забыла отраву для собаки дворничихи Коняки. С Конякой она остро конкурирует по вопросу стеклотары.

Отрава спрятана за портретом Илонки. Всего она народила троих девиц. Первую, взрослую, никто толком не видел, она жила на Большевице.

На похороны второй, умершей в дошкольном возрасте от эпилепсии, собирали по три рубля.

С третьей, Илонкой, стали рано заговаривать взрослые мужчины, за что Людка обзывала на весь двор дочь шалавой. Илонка стала надолго исчезать, потом приходила отсыпаться. Если спрашивали дочь, Людка говорила, что та отдыхает после соревнований.

Потом участковый объявил, что на Илону Ивановну открыто уголовное дело. Это привело Людку в ярость. Илонка тоже переселилась на цыганскую окраину к бабушке, рано родила ребенка, и Людку стало реже слышно.

Людка выходит из подъезда, замечает издали крышку от мусорного бака, сорванную детьми для катания с ледяной горки.

— Проститутка!— кричит адресно в окно первого этажа, где обитает предрасположенная к походам, гитаре и романтике студентка Флора. — Я тебе, гнида, голову оторву! — Флора вечером каталась с малышкой на альп-фатерной крышке. Людка чаще обрушивается на подростков, впадая в истерику, не может остановиться, в руладах что-то генное от кликушества.

Она наклоняется, чтоб водворить крышку на место, и замечает Леньку, прилежшего на инвентарь от огорчения.

— Теперь кранты! — причитает Ленька. — На счетчик поставят, а там зарплата двух пиlorам за восемь месяцев. На хера мне такой уик-энд?

Самые вредные и завистливые ждут, когда она распотрошит Леньку. Людка непьющая, но почему-то неприязни к разботвившемуся Леньке не испытывает.

— Не поставят, — подбадривает она мимоходом Леньку и отправляется в рейд по сопредельным мусорным бакам.

Когда Коняка выговорила ей, Людка ее обложила, замахнулась метлой, но ту защитила овчарка. Вскоре овчарка билась в конвульсиях. Но Коняка ее выходила. Еще Людку подозревают в отравлении домашних котов. Помимо баков она прочесывает подвалы, где у бомжей тарные значки. Потом наблюдает с балкона, как бездомные дерутся.

Когда возвращается, в клетчатых баулах брякают бутылки. Людка подкладывает под зад замызанную наволочку от подушки, и зад ее растекается по бетонному пеньку, остатку скамейки.

— Чего мне дался тот юг? — причитает Ленька, трезвея. — Ехал бы себе в Киев...

Людка вспоминает, что пропустила схрон бомжей, и снимается.

Ленька чиркает зажигалкой, от отчаяния поджигает сплюснутый за-

дом Людки мешок и при свете пламени обнаруживает, что запылил доллары в заветной наволочке.

— Что ж ты не сказала, что деньги под жопой? — Ленька смачно целует ее в полные губы. — Мы так не договаривались...

Поцелуй и прозрение, что она села на денежную торбу, думала, мусор, не проверила, ослабили ее.

— Десять процентов твои, — объявляет Ленька. — Нет, пятнадцать.

3.

Несмотря на январь, на пятом этаже окна настежь. Музыка ветеранов не раздражает, во-первых, это не аудиодолбеж, во-вторых, они соскучились по впечатлениям, еще с новоселий были разобщены друг с другом. В семидесятом дом заселили ушлыми интендантами, начпродами или заместителями по вещевому снабжению. Жмых соседа Рыбина приветствует однообразно колко:

— Начфинам здрахла! Я что говорю? В полку есть три дуба: начфин, начхим и завклуба.

У Рыбина булькает в баночке, к ней прямиком из мочевого пузыря протянут катетер. Начфин почти не слышит гадостей Жмыха, но музыкальные фразы доходят и до него.

— Нынче выборы? — Рыбин задирает голову, все-таки музыкальные фразы доходят и до него.

Ленька приглушает музыку и вещает в окно:

— Голосуйте за нерушимый блок коммунистов и беспартийных!

Ветераны перед отставкой съехались из разных дыр и даже континентов, есть из Анголы, так что общих воспоминаний не находится, общаются на уровне аптек или когда собирают на похороны. В доме напротив активно негодуют музыкальной паузе, бросают снежки с балкона. Людка их обложила. Людка два раза отправлялась за водкой, в очках и трезвая. Двор быстро стал похож на помойку, а Ленькина квартира преобразилась, сияет вымытыми окнами, на балконе деревенеют половые тряпки.

На третий день у дома тормозит маршрутка, Ленька, как Лаокоон, выбегает из клубка локтей. Снес чью-то шапку, его дверью распяло, а он еще извиняется:

— Экскюз ми, мэ! — перед мужиком.

На Леньке клубный пиджак и мешковатые брюки. Все еще нарядный, ломится к Мнацакановне:

— Мы не будем составлять меморандум о взаимном непонимании. Спросите почему, и я отвечу.

Нарядность Леньки почему-то огорчает Таланта, и он захлопывает окошко.

— Откройте шнифт, мэм! — изголяется Ленька. — Я хату продал, но у меня локаут! Понимэ? Жена об операции с недвижимостью не знает. Следите за лавинообразным развитием событий.

Сутки во дворе тихо, но о том, что Ленька не съехал, догадываются по запустению двора.

Глубокой полночью ветеранов будит острое шипение с гулом, как будто самолет на вираже пронзает слой низких облаков. Ленькины окна обволакивают клубы пара, пахнет баней и ржавчиной. Ветераны щелкают выключателями, но свет не зажигается. Потом панельную пятиэтажку, которой много не надо, сотрясают удары, молотят тяжелым по трубам.

— Всех взорву-у-у! — высунувшийся в окно голый до пояса, а может, и целиком, Ленька с розовой лысиной похож на кочегара, который держит пар на марке.

Когда подъезжает милиция, Ленька ныряет в парное пространство и появляется уже с батареей парового отопления, поднятой над головой. Батарея свежесорвана, из дырки на Леньку течет ржавый кипяток, и он истощно орет, извиваясь, как бык, которого осаждают слепни.

— Я чернобылец! — орет Ленька, ворочая батарею. Отопительный агрегат на двенадцать секций выглядит устрашающе, и при метком попадании может уложить наповал наряд из трех человек, включая шофера. Ленька действительно со своим стройбатов участвовал в ликвидации аварии. В горячечный бред уже влетается канвой политический протест, и потому наряд на всякий случай штурма пока не предпринимает. Из-под козырька подъезда доносится с эфирным треском служебный разговор.

— Обеспечьте подъезды для пожарной машины и скорой помощи! — говорит дежурный.

— Как я могу обеспечить, — кипятится прапорщик, старший экипажа, — если гаражей нагородили? Нужен автокран.

Ленька, видимо, не сразу ущучивает милицию, а когда обнаруживает, метает батарею, но чугунина почему-то не летит, а обрушивается за его спиной. Истощно орет Людка, возможно, батарея придавила ее. Людка с риском для собственной жизни придержала сзади батарею. Из дома напротив любопытные светят фонариками в окно на пятом этаже. В луче из

подмышки Ленки высовывается Людка в парадном офицерском мундире, протирает очки, запотевшие от пара.

Жмых открывает дверь милиции тем же ключом на стропе.

— За измену Родине и присяге, товарищ штурмбанфюрер, я сломаю над вашей головой зонтик, — обещает с пятого этажа Ленька.

Наряд не спешит идти наверх, а спускается в подвал со слесарем из ДЭЗа.

— Какой код? — спрашивает слесарь.

— Двести пятьдесят, — подсказывает в форточку Жмых.

— Шкалик, — обобщает слесарь и нажимает кнопки.

Жильцы слушают, как неуверенно лязгает газовый ключ, перекрывая задвижку, и догадываются, что слесарь выпивши. Задвижка, как обычно, не держит. Из Ленкиной разоренной квартиры продолжает сочиться, мороз не отпускает, ржавые сосульки сковали ствол винограда.

Жильцам прохладно, лапают батареи, которые быстро остыли. Газ, правда, не отключили, но когда зажгли все конфорки, упало давление. Жаловаться некому, милиция исчезла. Островком света будка-наливайка Мнацакановны, где тарыхтит японский движок. Горбятся под Мнацакановым козырьком, ищут способ обезвреживания Ленки. Квартира выходит на две стороны, и потому разгона для фантазий хватает.

— Был бы лифт, — говорят, — дверь можно было бы дернуть кабиной.

— Проще домкратом...

Успокоившись за соткой, расходятся уже не с такой ожесточенной душой.

— В темноте, но не в обиде, — говорят и шлепают в квартиры спасаться термоведерным отоплением. На плитах ведра со снегом, возле них греются.

Милиция не спешит. Жильцы решили, что специально уклоняются от штурма, ждут, когда соседи сами поднимут Леньку на вилы. Вторым возможным вариантом капитуляции укрепрайона остается надежда, что появится Людка. Скажем, с целевой вылазкой в чепок за порцией водки. Но водкой явно запаслись впрок. Ленька вещает с балкона:

— Мы начнем с тех, от кого пахнет одеколоном!

Размахивает огрызком трубы с чугунным вентилем, как гетман булавой.

— Скоро тебя, паскуда, отвезут в санаторий на Воробьева, — обещают нетерпеливые.

Детей невозможно загнать по домам, они бесятся, уроки делать не надо.

— Рули-и-ик! Немедленно домой! — певуче зовут из темноты.
— Я весь дом взорву! — копирует Леньку Рулик, поднимая над головой железяку.

4.

Штурм начинается только через сутки. Колонна машин пробирается к тыльной стороне дома. Автокран с телескопической стрелой поднимает шутя мешающий проезду рифленый гараж. Открывается изнанка гаражной жизни: "рено-карго", похожий на желтый лакированный тувель, банки-закрутки, украденные на разных широтах пароходные железки, распятые на фанере шкурки зайцев. Пожарные толкают "рено", но из машины спрашивают:

— Куда котишь?

Оказывается, в иномарке пригрелся хозяин, Людкин сосед-подфлажник. С незнакомкой.

Крановщик тактично приспускает гараж, чтобы дама оделась.

Пока дети разглядывают свалившиеся со стеллажей порножурналы, морской человек спешно маскирует самогонный аппарат. Аппарат успела заметить Светка, жена, с балкона.

— Зачем было гараж поднимать? — недоумевают. — Глупо, как в анекдотах о милиционерах.

Провода мешают пожарным выдвинуть лестницу к пятому этажу, "наружку" обрезают, после чего тухнет последний свет перед гаражами. Для психического воздействия открытое окно на пятом этаже освещают мощным прожектором.

— Дом оцеплен, сопротивление бесполезно! — раскатисто картавя, вещает в мегафон фельдшер в белом халате, надетом поверх куртки. Усы у него в инее. — Вы находитесь в состоянии алкогольного психоза. Откройте дверь, и вам будет оказана медицинская помощь.

— Сейчас тебе самому понадобится помощь, жидовская морда! — реагирует Ленька. Когда Ленька жестикулирует, водка из гранчака плещется на фельдшера.

В темных очках, чтоб не щуриться от прожектора, по-прежнему голый до пояса Ленька похож на пляжника. Прелюдно выпив перед штурмом наркомовскую, Ленька провоцирует: — Ну, кто первый, подходи, — и делится в санитара из дюбельного пистолета, которым забивают негнущиеся титановые гвозди в бетон.

— Вставай, страна огромная! — хохочут в толпе.

— Встаем на смертный бой! — Ленька предупредительно стреляет в воздух, как и положено по уставу караульной службы, и перезаряжает строительный инструмент.

По-цирковому блестящая лестница неумолимо ползет вверх, ломая ветки акации. В толпе мелькают Людкины очки, но к появлению дворничихи относятся неоправданно рассеянно — слишком острый момент. Потом хватились было, милиции доложили, что сообщница среди пострадавших жильцов, Людка исчезла.

— Да, вот она сигналы с технического этажа Леньке подает, — подсказывают из толпы.

В бойницах семнадцатого, технического этажа, мигает огонек. Милиция стремится туда и приводит бомжа, он на костерке техэтажа безобидно варил чефир.

По пожарной лестнице карабкается усатый санитар, за ним капитан милиции.

В это время где-то с фасадной стороны дома доносится:

— Убивают, помогите! Фашисты!

Людка кричит истошно, со всхлипываниями. Расчет милиции на этот раз четок, заманить пожарной машиной Леньку к окну спальни в глубине квартиры, оглушить звуком громкоговорителя, чтобы он не слышал, как из подъезда взламывают входную дверь. Вчерашняя попытка распиловки бронированной двери пилой-"болгаркой" не удалась, Ленька изнутри разможил булавой диск, абразивные осколки ранили милиционера в лоб. Вроде бы органы рассчитали все хитро, но не учли истеричной активности Людки, которая специально прорывалась к Ленькиной двери с проклятиями, чтоб предупредить об опасности.

— Прощу вызвать адвоката-а-а! — требует Ленька.

Чтоб заглушить дворничиху, включают пожарную сирену-тифон.

Ленька не оставляет позиции, возможно, в горячке, осадной и белой, не слышит сожительницу. Между тем глупый штурм с тыльной стороны дома развивается. Пожарные расчеты стоят с размотанными рукавами, возможно, чтоб окатить Леньку, когда он начнет бомбить народ отопительными элементами. Жмых раскрывает зонтик, то ли от слепящего света прожектора, то ли приготовился к водяной атаке. Ленька метает отколотую кафельную плитку, она рикошетит от кроличьей шапки труженика психиатрии и сколом попадает милиционеру в ухо, хотя тот в каске.

Штурм захлебнулся, фельдшер прижигает йодом ссадину офицеру.

— Ну, Леня, теперь тебе мотать срок! — злобствуют в толпе.

— Я чернобылец! — гордо вещает Ленька, будто чернобыльцы не освобождаются от уголовной ответственности.

Ждут, что милиция применит против Леньки газ, как в "Норд-Осте". Когда Людку ведут к "бобику", она замечает в толпе романтическую студентку Флору и орет:

— Проститутка!

Симулируя обморок, Людка падает на снег и заваливает сержанта, который прикован к ней наручником. Внимание толпы фокусируется на Людке, потому не замечают, как из проема исчезает Ленька. Санитар берет обычную пеньковую веревку и шлепает к подъезду паковать больного. Группа захвата уже взломала дверь, а толпа поносит милицию за трусость и решительность.

5.

Происшедшее запечатлелось в коре мозга только начальной фазой, и то фрагментарно. О финале гала-ужина, который закончился штурмом при техническом содействии пожарной команды, Ленька вообще не помнил.

Квартиру, где была прописана жена и дочь, Ленька продал с помощью маклера, бывшего начальника артвооружения полка, дальней родственнице Мнацакановны, раскрепощенной барышне Лейбе, муж которой сидел в тюрьме за разбой. Сидел он экзотично в Бейруте, причем пожизненно, что давало Леньке повод шутить:

— Ну, мы с тобой, Лайба, покатаемся!

Лейба тоже постоянно проживала в Бейруте и готовила тылы на случай, если совсем прищучит ХАМАС.

Она осталась должна Леньке четыре тысячи долларов, показывала кредитную карту, обещала получить не сегодня-завтра перевод. Ленька пригласил Лейбу в дорогой, но бестолковый ресторан "Южная Пальмира". Под столами ползали цыганчата. Когда Ленька кинулся покупать польские гвоздики, то чуть не упал, цыганчата связали ему шнуры.

В постели Ленька поскандалил.

— Я — чернобылец! — неубедительно настаивал на снисхождении, как будто ликвидаторам положена сексуальная передышка.

Помнит, как она нашаривала на тумбочке трусики, уходила украдкой из бывшей его, а теперь уже своей квартиры, а он Лейбу не удерживал. Леньку перепахало, почему и произошло разрушение коммуникаций.

Потом помнит, как фотографировал Людку на дорогой сотовый телефон, который забыла под кроватью армянка.

Ленька толком еще не осознал, сон это или призрачное пробуждение, слишком непривычной была обстановка. Он не хотел возвращаться в трезвый мир, его угнетала догадка, что за кадром осталось самое важное, он так и не вспомнил, что именно, никак не удавалось сосредоточиться на этом главном и страшном. Так бывает во сне, но он понимал, что неотложное ускользает наяву, и мучился.

— Апч-хуй! — Ленька по армейской привычке с вызовом чихает. Откуда-то доносится приятная струнная музыка. Ленька чихает еще раз. Болит горло и голова, простудился. Чешется нос, но руки плотно спеленаты в идиотский кокон.

— Слушай, братан, шнобель чешется, — просит помощи Ленька, — не могу-у, — он уже понял, что надежно привязан к койке.

— Это джазовый стандарт Дюка Эллингтона, развитый моей импровизацией, — в секторе обзора появляется человек в пижаме и с гитарой. Ленька догадывается, что лысый наигрывает джазовый стандарт по сотовому телефону. Гитарист масштабно лыс, остаток волос на затылке завершается пучком. Лысый чешет Леньке нос медиатором и спрашивает в телефон:

— А как тебе минорная композиция?

Леньке кажется, что он откуда-то лысого знает, и причем очень давно. У Леньки композиция тоже минорная, зашибает мочой, причем не противно, и он понимает, что сам источник запаха. Зудит в паху, затекли руки и ноги.

— Распакуй же, — настаивает Ленька.

— Здесь санитар командует, — замечает гитарист.

Похоже, лысый старожил. Ленька догадывается, что он не в 411-м госпитале. Где же?

В любом случае нужны финансовые ресурсы. Деньги всегда у него водились. Деньги! Мысль эта прожигает сознание раскаленной спицей. Он вспоминает, как кувыркался с наволочкой, набитой валютой, как пробовал прикурить от доллара, когда вытащил мешок из-под зада Людки. По опыту пьющего Ленька знает, что деньги в таких случаях пропадают. Большие деньги.

— Где я? — стонет он.

— В дурдоме, — гитарист продолжает теребить струны. — Десять минут отвязки — петушок. Не мне, санитару. Я понимаю, что это грабеж,

но в санатории Воробьева такие расценки, ротный. В институте Сербско-го дороже — европейский стандарт.

Краем глаза он видит доктора в изумрудных хирургических одеждах, похожего на захлопотанного гуманоида, потом слышит бульканье.

Лысый назвал его ротным. Они определенно встречались на службе.

— Развяжите, я башляю, — просит Ленька.

— Вот мы и проснулись! — дружелюбно говорит гуманоид. — Большой Муравейник, вы прокапались гемодезом?

— Так точно, полный курс, Владимир Ульянович, — докладывает, как в армии, лысый гитарист.

Фамилия тоже знакомая, нетипичная, но еврейская фамилия — Муравейник. Если б он не мучился физически, то наверняка б вспомнил.

— А Шлиферу внутривенное пока рано, — продолжает назначения Ульянович.

Кто-то пристает с больничным листом, продлить просит, канючат:

— Владимир Ульянович, а где же душевность?

— Нового уровня душевности мы достигли только на этикетке водки "Мягков", которая вам противопоказана, — Владимир Ульянович макает палец в аквариум, рыбок любит.

Рукава смирительной рубашки Леньке развязывает санитар, морщинистый мужик, от него пахнет луком и деревней.

— Доктор наш не любит пьяниц, — говорит санитар.

— Кто? — переспрашивает Ленька. Мысли у него еще путаются.

— Владимир Ульянович.

— Кто же не знает товарища Крупского? — входит в раж Ленька. — А как же он лечит людей, если не любит?

— Только договор, командир, трубы в палате не обрывать, — мужик улыбается. — Я когда по пожарной лестнице к тебе подбирался, ты батареей замахнулся. "Я — чернобылец!" — кричал. Я — тоже чернобылец. Думал, командир, сметешь нас с милиционером. Тогда бы точно сидел не с беляшами, а в шестом.

Ленька уже знает, что алкашей называют в дурдоме беляшами.

— А что такое шестое?

— Психоэкспертиза, где путевки выдают. Она рядом, ее краснопогонники стерегут. "Пишу из мест, где нет невест, и небо не достать руками". Вот так-то, командир.

Ленька переворачивается на бок, чуть было не опрокинул капельницу, к которой подсоединен, стонет и замечает доктора, который кормил ры-

бок в аквариуме. Рыбки подпрыгивают, и от этого булькает. Одна капля достигает его щеки. Он вытирает лицо, покрытое щетиной, нащупывает запекшуюся кровь на подбородке. Армянка в экстазе укусила его за подбородок, после чего Ленька ударил ее в предглазье. Ленька не допускает, чтоб партнерша из-за побоев покинула ложе любви. Ему кажется, из-за распушенности.

В двери продевается голова.

— К новенькому следователь, — предупреждает дебил и влажно пукает.

Молодой коротко стриженный следователь похож на дисциплинированного солдата. Солдат мимо Леньки прошло за четверть века тысяч двадцать, он считал.

— Я следователь прокуратуры Малиновского района Секретарюк, — представляется следователь. — Вы в состоянии говорить?

— Как, как фамилия? — цепляется Ленька.

— Восемнадцатого февраля вы покушались на жизнь командира роты патрульно-постовой службы и сотрудника медучреждения, — злобно и умышленно тихо, как в суде, цедит следователь. — Капитан милиции получил ранения.

— Я, между нами, девочками, чернобылец! — взвывается Ленька. — Требую средства радиационной защиты.

Ленька сжимает кулаки, представляет, как он приварил бы этому "солдатику". Он регулярно воспитывал нерадивых бойцов, обычно в канцелярии роты, избивание провинившихся военнослужащих срочной службы было для строительных подразделений общей темой.

— Больной находится в пограничном состоянии, — прерывает допрос изумрудный доктор, — извините.

6.

Ночью переполох.

— Вторая палата, нужно переселять больного в общежитие, — слышен голос лысого из коридора.

— В какое еще общежитие? — переспрашивают недовольно.

— Где мы все будем. Шлифер ласты отбросил.

Ленька понимает, что лежит рядом с покойником. Для переноски подняли выздоравливающих.

— Не вышел Фима из литургического сна, — говорит Муравейник.

Теперь в палате их двое.

— Да, человек, сбившийся с пути разума, водворяется в собрании мертвецов, — философствует Муравейник.

— Что ты гонишь?

— Притча, — сосед развязывает Леньку. — До утра, товарищ ночной майор, можешь отдохнуть, а перед обходом завяжу.

Он знает гитариста, и давно. Ленька действительно был "ночным майором" одну маленькую звездочку носил на погонах. Ленька ведь из солдат, "двухгадюшник" — так тогда называли временных скороспелых офицеров. После срочной послали на офицерские курсы, в училище поступать не хотел принципиально, и работать на гражданке не собирался.

Он и в жизни так поступал, критерием была не цель, а принципиальное отвержение. Не принял Ленька разочарование армянки и разорил собственную квартиру. Лысый ведь знает его, причем еще с начала офицерской карьеры, не ошибается, а он не может вспомнить.

— Кололи Фимку, да видно перекололи, — причитает Муравейник. — Ты не бойся, тебя психотропками колоть не будут, они дорогие. Ты читался, наверное, "Полета над гнездом кукушки". Заколоть могут в "шестерке", а у нас электрошоком усмирят. Или по морде получишь. Здесь есть такие бойцы на подхвате. Тебя запрут к нему в палату, а дурик ни за что не отвечает, они тем более.

— Дяденька, дай сосочку, — мужик в тельняшке приоткрывает дверь.

Музыкант щедро высыпает ему из пачки сигареты.

— Между прочим, бывший командир атомной подлодки. Не вышел из белочки, — говорит Муравейник. — Тебя, младший лейтенант, тоже двое суток, считай, не было. Это критический срок. Фартуха у тебя.

— Так что, я мог дуриком остаться?

— А откуда же шьмоки берутся? Ты, я вижу, товарищ младший лейтенант, салага. А я третью ходку делаю.

— Ты у них беляш в законе?

— Творческая интеллигенция самая психически незащищенная категория, — лысый булькает чем-то. — На, младший лейтенант, освежись, помогает. Отец Гека Финна говорил: "Одной бутылки виски хватит на две попойки и одну белую горячку".

Ленька причащается, лысый режет дежурную луковицу, дает корочку загрызть. Потом открывает тумбочку, где буженина ломтиками, маслины.

— У тебя муган, — замечает Ленька. — Что же ты его заныкал?

— Буряковый первак. Маркельч гонит здесь на Кривой Балке, сани-

тар, что тебя брал. Помнишь, "стою на полустаночке, пью самогон из баночки, а мимо пролетают поезда"?

Перед глазами Ленки раскаленный перрон станции Навои в зеленых плевках насвая, шелуха семечек "конский зуб", культи-ветки узловатого каракала. Слепец монотонно играет на рубабе. Лопухий румяный Муравейник под два метра ростом с пол-литровой банкой на перроне, возвышается над толпой азиатов — чем не Гулливер в стране лилипутов? Вместо пилотки на голове Муравейника панама со звездочкой и пером петуха, подобранным здесь же. На месте оторванных сержантских лычек остались невыгоревшие полоски. Рядом с ним ефрейтор Джуманьязов, досрочно демобилизованный, у него в кишлаке второй ребенок родился. Джуманьязов в парадке "пэша", то есть полушерстяной, не поддающейся глажке. Дембельский мундир украшен кембриками и проводами.

— Нюмчик, ты?

— Вспомнил. На, запей. Первые пять стаканов не пьют, а пробуют. Да, сопровождал ты разжалованного сержанта Муравейника в Кушку. Говорил, что нас переводят на новое место службы, темнил. А я не подавал вида, хотя догадывался.

Получал он пополнение в Херсонской области, где две зоны, всего восемьдесят человек. Половина была с судимостями, но провозжали с буйным патриотизмом, как на фронт. "До встречи в Вашингтоне!" — кричали. Угощали по дороге. Он молодых привез в клуб части. Муравейник сел за пианино и сыграл чардаш Монти. Его все три года службы кормил камертон и ключ для натягивания струн. Местечковый Муравейник как-то сразу вписался в коллектив, со всеми жрал вареное сало в коричневом соусе, рубероид продавал. Он Ньюме даже одалживал свою офицерскую полевую форму для самоволок.

А разжаловали Муравейника глупо. Служили в отряде четверо чукчей. Росточек у них метр сорок с пилоткой, к бетономешалке не поставишь, слабосильные. Вот и послали на хлебозавод, зарабатывать хлеб для части, а старшим Муравейника. Муравейнику хорошо было — девки в ассортименте, сметана. Все, казалось бы, путем, да по конвейеру из печи приехала буханка, на которой запеклось в корочке известное всем слово из трех букв. Оказалось, чукча выковырял пальцем в тесте. Лычки с Муравейника сдирал сам начальник штаба майор Камышный.

— А ты что, музыку пишешь? — интересуется Ленка.

— Импровизирую. А вообще, реставрирую пианино "Беккер".

— Кому они сейчас нужны?

— Продаю в Израиль.

Свербящую мыслишку о пропавших тысячах Ленька загоняет в угол, чтоб не сойти с ума на самом деле. Все равно теперь ничем не поможешь.

7.

Снова приходит следователь, уже более решительно, и не один, а с приставом. Спрашивает у врача, когда выпишут Леньку. Леньке остается худо-бедно дня три кантоваться, больше с острым психическим расстройством не держат. Берет подписку о невыезде. Предъявляет ордер на арест. Кранты!

— Ты попал на деньги? — догадывается Муравейник.

— Двести тысяч баксов пропало, пятая часть лимона.

— Сегодня что, день свободных ушей? Ты серьезно?

Ленька только стонет.

— Если бы была валюта, можно было бы помочь. Я прокурору устроил пианино с "Леонида Собинова", когда лайнер отправляли на разделку.

Утром говорит:

— Есть две новости — одна плохая, другая еще лучше, как в анекдоте. У двери поставили милиционера тебя охранять.

"Может, повеситься?" — думает Ленька.

— Не вздумай вешаться, — предупреждает Муравейник, как будто догадался. — У тебя угнетенное сознание.

В палату приносят кого-то в тельняшке. Ленька узнает Светкиного мужа. За супружескую измену Светка выгнала его, и он налег на самогонку, огурцов в гараже хватало.

Моряк приходит в себя часов через пять. Ленька открывает глаза, а тот плянется.

— Спящих рассматривать нехорошо, сосед, — укоряет Ленька.

— Мне показалось, ты помер.

— Не дождетесь! А вот ты, между прочим, на месте жмура лежишь. Есть над чем подумать.

— Тебя хотел видеть Жмых, — говорит морской.

8.

.....

9.

— Чернобылец, к тебе отец прорывается, — шепчет фельдшер Маркелыч, щекоча колючим усом Ленькино ухо. — Попробую провести.

— А он мне как раз снился, — говорит Ленька. — Это интересно, тем более что батя двенадцать лет в земле отдыхает.

— Как отдыхает?

— Как все, — Ленька выглядывает в окошко и замечает Жмыха. — Зови штурмбанфюрера. У тебя левый ус отклеился.

— А, это я заспал в "скорой помощи", — фельдшер слюнявит и плющит ус.

Приходит Жмых. Из сочувствия вспоминает:

— У нас в Даурии один офицер с дивизионным доктором допились до того, что собирались кошку пропустить через мясорубку...

Ленька вздыхает, не реагирует. Жмых глядит выцветшими глазами через решетку, во дворе больная старуха извивается вокруг костыля, как стриптизерша на сесте.

— Рыбин помер, — выкладывает похоронные новости Жмых, — упал коло бойлерной. И баночка катетерная разбилась.

— Кто-кто? — рассеянно переспрашивает Ленька.

— Замкомполка был в Мирном. Потом его заменили на племянника генерала Генералова.

— Сменили шило на рыло.

— Ты его знал, он на уши приседал?

— Кто приседал?

— Что?

— Не с кем говорить, — заключает Ленька для Муравейника, — все приседают. За пенсией в Россию давно ездил? — уже громче для поддержания разговора орет Ленька.

— Куда?

— В свое Задрочье. Откуда мне знать, куда ты едешь? Небось нелегалом там обитаешь.

— Не, я не лягал... Месяц назад приехал, — спохватывается Жмых. Как будто прорвало.

— Вопрос на засыпку: когда будут хоронить?

— Кого?

— Рыбинтруппа! — острит Ленька. — Кранты!

— Уже поховалы. Я вот что хотел тебе сказать. Людка, конечно, афе-

ристка, негде пробу ставить. Сначала меня в гараже помыла, потом тебя. Я засек.

— Что ты засек?

— Я накануне в ночь перед пожарной командой собаку выводил и видел, как Людка перелезала с Ленкиного балкона, то есть с твоего, на свой, они же вплотную. И торбу с деньгами уволокла. Так что можешь на меня сослаться. Если ее прижать, она расколется.

— С пристрастием? Горячим утюгом по голой жопе? Можно в твоём гараже, штурмбанфюрер? А как мешок выглядел?

— Как торба, грязная...

— Эта? — Ленька приподнимает матрас, не свой, Муравейника, достает из грязной наволочки пять долларов, протягивает опешившему Жмыху и говорит: — На эти башли можно всю твою депрессивную деревяню купить. Это тебе, штурмбанфюрер, бонус за службу. Она здесь была час назад.

10.

На выписку Людка приходит с букетом освеженных рыбинтруповских гвоздик. Владимира Ульяновича в кабинете не было, и букет вручают нянечке Мире из тихопомешанных.

Мира как раз с кем-то скандалит:

— Поставь одеяло на место, где взяли.

Будто одеяло швабра или ружье.

Мира прерывает выговор и несет букет в чулан, где обитает. На чуланной двери кто-то из беляшей написал: "Мире-мир!".

Муравейник напоследок обнимает ротного и шепчет на ухо:

— Ты "зелень" поменяй на эвро, доллар падает.

Солнышко припекает, с крыш барабанит спелая капель. У церкви кучкуются загорелые нищие. Дворник в халате и марлевой повязке на лице подметает двор жесткой метлой.

— Ты, батя, как врач, — Ленька ему подмигивает.

— А я и есть врач, — подметающий снимает повязку, и Ленька узнает Владимира Ульяновича. — Решил, знаете, немного поработать физически.

— Трудотерапия, конечно, на пользу, — замечает Ленька, — только метла у вас отвалилась, вы древком вхолостую метелите.

— Какой конфуз! Задумался...

Ленька галантно насаживает доктору метлу.

— Буду вас вспоминать, — обещает.

— Не стоит. Все быстро течет и быстро забывается. Нас это, по сути дела, и спасает. Если будете отмечать выздоровление, не увлекайтесь.

Водитель в маршрутке без умолку тараторит по телефону:

— Я вирусов всех повывав, набил новый пароль. Слайды порубал, но они сами больше почему-то не отправляются.

— Поздравляю, — встречает Ленька. — На твой сервер пришло срочное сообщение: тормозни за Привозом.

У амбразуры обмена валюты мини-очередь из трех персон.

— Лучше в банк, — говорит Людка.

— Здесь курс выше, — возражает Ленька.

Евро в дефиците, Ленька покупает пятьсот, долго изучает банкноту и возвращает в амбразуру.

— Тут какая-то гнида по-арабски накалякала, а я должен покупать? — возмущается.

Ленька представляет, как на базаре в Латакии лавочник тоненько помечает прямо на купюре, сколько колготок наторговал. В Сирии это происходит, но почему он должен покупать меченые еврики? Ленька был в Латакии с ограниченной партией военнослужащих, достраивал военный аэродром. Леньку охватывает приступ бешенства, он сует в щель деньги и приказывает валютной девице:

— А ну, поменяй!

— Меняй, кому сказала! — встречает Людка.

Девица изучает сомнительную купюру и говорит:

— Больше нет!

— Как нет?

Дезинформированная меняльщица тоже не в курсе, и потому возвращает национальную валюту.

— И мои евро, пожалуйста, возьмите, — заявляет человек, похожий на динозавра, он рядом все слушал, не отходил. — У меня тоже кто-то надписал.

— Вы же здесь не стояло! — ополчается Людка.

— Я, мадам, стоял перед вами.

— Прими капюру!

Пока препираются, сопляк засовывает в щель клешню. Ленька вырывает у него из ушей провода, тот даже жалких денег не успевает выскрести из щели, оттаскивает за шкуру и... получает ослепляющий удар в лицо. Ногой.

— Убивают! — вопит Людка. — Бандеровцы!

Пока Ленька распластался на асфальте, девица возвращает парню деньги.

— Идиоты! — резюмирует парень. — Это же подпись директора банка Евросоюза.

— Каждый прошибиться може! — рассуждает чебуречница. — Так что, надо лягаться?

Людка догоняет парня и отважно дает ему поджоппник, чебуречная общественность на ее стороне. Наволочка при Людке. Получается, она спасла пятую часть миллиона в третий раз. Заходят в буфет "Сектор Газа", где палестинцы лепят самсу.

— Он работал во внутренних органах, — рассказывает дамские байки буфетчице подруга.

— Чьих, ваших? — уточняет Ленька. — Работаем?

— Да, — отвечает буфетчица.

— Наливаем?

— Да.

— Качество?

— Как своим.

— И все живы-здоровы?

— Я тебя не узнала. Кто приварил?

— Плесни лучше бодяги.

— Шая, бодяга не поможет. Нужен крем "Балэт". Стоит два сорок.

В магазине "Сцена" Ленька получает заветную баночку, откручивает и вскипает.

— Тут же след пальца, — показывает продавцу.

— Потому с вас и взяли только два рубля.

— Поменяй! — наступает Людка.

— Это последний.

— Курва!

11.

Через полгода Жмых увидел Леньку в прямом эфире. Ленька был в чистом, при галстукe и трезвым. Заметили, что он растолстел. Ленька сказал:

— Позвольте всех приветствующих поприсутствовать... тю, звывняйте, присутствующих поприветствовать от имени депутатского корпуса... Нам нужна национальная идея без лжепатриотизма и шароварщины... железная воля и сосредоточенные деньги...

Дом приободрился, особенно Жмых. Заставили внука Рыбинтруппа набрать жалобу на компьютере. Он поленился редактировать и сохранил обороты:

"...отсутствие регулярной подачи воды на этажи подрывают нормальные условия спокойной жизни... Бюрократические ответы ДЭЗа совершенно необоснованные и вызывающие удивления...".

Копию послали премьер-министру.

— А премьеру-то зачем? — удивился Рыбинтрупп-наимладший. — Это без толку.

— Другого-то нет.

— В дурдоме врача не выбирают, — согласился внук.

— И еще министру окружающей среды и ядерной безопасности, — напомнил Жмых.

Озадачивало отопление. Вертикальному продвижению теплоносителя мешала воздушная пробка, которая образовалась на пятом этаже. Пожилой слесарь для вида капризничал, сказал, что без вентиля не может ликвидировать пробку. На самом деле он смущался хозяйки, раскрепощенная бейрутская армянка фланировала по квартире нагишом. Вентилек отломил Ленька, когда собирался низвергнуть батарею на толпу. То есть получается, жильцы жаловались Леньке на самого же Леньку.

Жалобу вызвалась отнести в ДЭЗ Людка. На двери начальника висел призыв: "Пры входи в кабинет посмихнись!". Людка его оторвала.

Начальник быстро пробежал жалобу и сказал:

— Только он не депутат.

— Как не депутат? — взвилась Людка.

— Он помощник депутата первого склыкканья Полезного.

— Сам ты Беспольный, — набычилась Людка. — Он депутат.

Начальник улыбнулся, поставил на письмо печать и расписался.

Ответа ждали с нетерпением.

12.

Ночь или поздний вечер. Кто-то молотит в дверь ногой. Жмых с помощью дистанционной веревки открывает форточку. Людка трепетно спускается по лестнице с пятого этажа. В потемках догоняет. Пьяный оборачивается. Людка от отчаяния плюется, колотит его в спину. Жмых слышит, как она рыдает. На пятом этаже с балкона переливчато мяукают на чужом языке. Армянка Ленькину квартиру продала китайцам.